

Примирил «апорт»

В АВГУСТЕ сорок пятого меня направили от ММК на учебу в Магнитогорский индустриальный техникум Наркомчермета — тогда техникум относился к этому наркомату.

А еще через год профком комбината приобрел для студентов МИТ пять путевок в альпинистский лагерь в Казахском Тянь-Шане. Эти путевки выделены преподавателю Вере Жуковой и троим студентам — Федору Колесникову, Александру Кусову, Николаю Смирнову и мне, Ивану Лекареву, — активным членам профсоюза, спортсменам. В то время нам было по двадцать—двадцать два.

Сбор назначили в начале июля в Алма-Ате, в общежитии пединститута. Студенты прибывали со всего Союза. Нас поселили в большой комнате вместе со свердловчанами — студентами и молодым инструктором по альпинизму. Прибыли мы утром, а вечером местные студенты пригласили нас поиграть в волейбол на площадке во дворе общежития. Наша команда вместе со свердловчанами легко обыграла местных. А перед сном они постучали к нам в окна с требованием выйти «для разговора». Наши владели приемами самообороны, так что пришельцы быстро убралась восвояси. Но вскоре вернулись и снова стали стучать в окна, требуя выйти. Командант общежития, инвалид войны, вызвал милицию, и после ее приезда все разошлись по домам.

Назавтра нас на бортовом автомобиле доставили на кордон к ущелью Средний Талгар. В верхних ущельях был ледник, откуда через лес текла река. Сам лагерь находился в ущелье на одной из естественных площадок на высоте 1080 метров над уровнем моря. Мы поднялись туда по тропе в сопровождении инструктора. Нас поселили в палатки с нарами, выдали спальные мешки.

Подъем и другие сборы производили по сигналу горна, а горнистом был наш Саша Кусов. Жили по распорядку: подъем, зарядка, умывание на реке, завтрак, затем тренировки. Инструктора учили нас использовать альпинистское снаряжение при восхождении. Были подъем и спуск с отвесной скалы, походы с ночевкой на перевал, в другое ущелье, на ледник.

В поход на ледник нам выдали ледорубы, триконы — трехзубые оковки для ботинок, респираторы — так в скалолазании называют веревки для схватывающих узлов, они нужны при ходьбе в связке. Выйдя из лагеря, мы перешли вброд речку и начали подъем к леднику. На привале пообедали, прошли короткий инструктаж. Подойдя к леднику, прикрепили к ботинкам триконы, чтобы не скользить, и, закрепившись респираторами за канат, пошли по леднику на связке по 10—12 человек. На леднике инструкторы показывали нам опасные места, особенно трещины — они бывают конусом вверх и конусом вниз. Местами трещины были глубиной 8—10 метров с водой внизу, а сверху покрытые снегом.

На обратном пути мы остановились на отдых в нижней части ледника, и здесь приключилась беда. Наш Федя Колесников, открепив респиратор от каната, побежал в сторону по нужде и провалился в трещину. Мы кричали, и два инструктора и один из студентов бросились к нему. Они быстро вытащили Федю из трещины, благо она была неглубокая и конусом вниз. После этого случая парня долгие еще называли «ледниковый Федя».

В заключение лагерных сборов было восхождение на вершину Молодежная высотой 4250 метров. На вершине в пирамиде из камней мы оставили список участников восхождения.

Через двадцать два дня мы вернулись из лагеря в Алма-Ату и остановились в том же общежитии. Назавтра к нам пришли трое местных студентов с извинениями за предыдущую встречу и предложением вместе съездить в городскую саду за яблоками. Алма-Ата славится ими, да и само название города означает «яблоко-отец». В саду мы договорились с садоводами, и немного заплатив, загрузили в рюкзаки по 10—12 кило яблок «апорт».

...Домой мы добирались поездом Алма-Ата—Москва до Оренбурга, затем на товарняке до Каргалов, откуда в Магнитку на пассажирском. Вот таким мне запомнилось послевоенное лето сорок шестого.

ИВАН ЛЕКАРЕВ,
ветеран войны и труда

Комсомолка двадцатого года

О Валентине Михайловой вспоминают как о человеке одаренном

НЕ ВСЯКАЯ ЖИЗНЬ оставляет яркий след, но ценность жизни не в нем — в неповторимости судьбы. Я думала об этом, перебирая старые книги из библиотеки знакомых: когда-то они принадлежали Валентине Михайловой. Я не знала ее: она ушла из жизни много лет назад, но эти книги — разве не след, не памятка об ее судьбе?

Она была старшей среди пятерых сестер и братьев. Отец до революции работал приказчиком в магазине, мама всю жизнь так и осталась неграмотной, но дети были образованны, брат даже выписывал периодику — для довоенного села это немало. Валюша молодость пришла на пору, когда в их селе в Татарии, как и по всей стране, была мода на все революционное. Девушка вместе с молодежью распевала революционные частушки, участвовала с физкультурниками в построении «пирамид». Вообще, вспоминают друзья, была гибкой и легкой на подъем.

Первая любовь и замужество были недолгими: заболел туберкулезом, муж

оставил ее, чтобы не заразить, и вскоре скончался. Нужно было начинать жизнь заново. В тридцатые Валюша переселилась в Магнитку — здесь у брата Мити уже было двое детей. Устроилась в только что открытый на левом берегу Уралторг — благо получила практику, работая с отцом в магазине. Валюша и здесь проявила себя активной комсомолкой. Была и новая любовь: товаровед Кузьма Сазыко. И снова счастье продолжалось недолго: в тридцать седьмом его арестовали — поговаривали, на него донесли из ревности. Валентину вызвали к руководству торгового предприятия за связь с «врагом», отняли комсомольский билет. Она горячо наговорила что-то, умолилась, а после глотала валерьянку. Надо было искать, чем жить.

Устроилась в школу, еще не имея специального образования: грамотеешь в ту пору было немного, и грамотных допускали учительствовать. Но Валюша Михайлова сама поставила для себя повышенную образовательную планку и окончила первую ступень пединститута — двухгодичную. Позднее ведущий сотрудник пединститута Андрей Низицев пригласил ее работать секретарем на факультете. Она соответствовала

литфаку: в трудное время — туфли-лодочки с французским каблучком, аккуратная юбка прямого покроя, пикейный воротничок и манжеты, золотистые волосы, уложенные в прическу, хорошее знание литературы, неповторимый юмор. Люди, не знавшие ее манеры шутить, порой упрекали ее за диалектную речь, а она «оправдывалась»: «Виновата, серовата, только из деревни». С начала войны Валюша продолжила учебу: окончила четырехгодичную ступень образования. Ей к этому времени было лет сорок, но она никогда не стыдилась учиться. Позднее преподавала в торговом техникуме, и все, кто знали ее, отмечали высокую культуру, превосходное знание литературы.

А после войны вернулся Кузьма Тимофеевич. Вернулся не из лагерей — с фронта: получил возможность «искупить кровью». Но совместной жизни не получилось: он ценит Валентину, уважал ее острый ум, но она не могла родить ребенка. Они расстались. И снова нужно было начинать жизнь заново.

Утомляла бездомность: Валюша по несколько лет жила у друзей, привычкой стало всегда носить в сумке термос и самое необходимое на случай внезапного переезда. Пока училась и работала в пединституте — ей при вузе выделили комнату, но после окончания учебы из жилья попросили. Продолжать работать в школе было невозможно: учительская работа не давала ни денег, ни надежды на решение жилищной проблемы.

Она вернулась к работе в универмаге — это давало шанс устроить быт. Но эта была чуждая для нее жизнь. Изводили бесконечные ревизии в магазине, часто продолжавшиеся ночами.

После проверок не было, а на страхи коллег перед ревизиями она только отмахивалась шуточно: «Не боюсь — сплю, как турецкой святой». Валюша Михайлова была равнодушна к возможностям, которые в условиях дефицита предоставлялись торговому работнику, и не злоупотребляла ими. Разве что когда больная подруга не могла найти в продаже халат, чтобы лечь в больницу, могла купить для нее на складе отрез.

Друзья вспоминают о Валентине Ивановне как о человеке одаренном и начитанном. Несомненно, ей ближе была преподавательская среда. Да и в институте ее не забывали. Преподавательница Елизавета Володкович, знакомая Валюше Ивановны еще по бару, выхлопотала для нее комнату в трехкомнатной квартире для учителя в новом доме по улице Жданова — нынешней Ленинградской. Сын Володкович, Всеволод Васильевич, тоже преподаватель, высоко ценивший образованность Валюши Михайловой, советовал своим студентам: «Учитесь культуре у этого продавца из ЦУМа — она знает всю европейскую литературу». В самом деле, Валюша

Ивановна читала запоем, всю жизнь собирала библиотеку.

Старость пришла на конец восьмидесятых — начало девяностых с их пустыми прилавками. Валюша Ивановна не унывала, ее поддерживали молодые родственники, а она подшучивала, что ей врач прописал для тонуса держаться поближе к молодежи. Скромной пятидесятирублевой пенсии на жизнь едва хватало, и друзья и родственники подкармливали ее. Когда она после падения сломаала руку и надолго оказалась в гипсе, подруга почти каждый день через весь город приносила ей горячие обеды в бидоне. Наконец, наступило время, когда Валюша Михайлова совсем постарела и ослабела. К несчастью, по стечению обстоятельств и друзей, и родственников разом оказались перед необходимостью выхаживать близких, и, несмотря на немощь, Валюша Ивановна отказывалась переехать к ним, чтобы не стать дополнительной обузой.

На некоторое время уход взяла на себя соседка Лидия Головачева — это позволяло Валентине Михайловой не переезжать из дома. Но и соседка разрывалась между лежачей мамой и Валентиной Ивановной. Понятно, почему старая женщина приняла решение переехать в дом престарелых. Как ни горько было всем участникам этой драмы одиночества, это было неизбежностью и решением проблемы: такой переезд позволял Валентине Михайловой сохранить независимость.

С собой она взяла немного. В том числе запас мулине: она любила рукодельничать, была мастерицей делать изкусственные цветы из проволоки — и в

войну-то выжила, продавая на базаре свою вышивку. Она и здесь не рассталась со своей своеобразной манерой шитье в ситуации. То ли шутя, то ли всерьез повторяла: здесь, в доме престарелых, и есть коммунизм — делаешь что хочешь, а все необходимое тебе предоставляю.

Ее часто навещали. Однажды посещения в доме престарелых на время запретили — карантин. Когда после его отмены подруга пришла проводить Валентину Михайлову, ей сказали: «Сегодня похороны». Это было в девятностом. Валюша Ивановна родилась и умерла в один день — Валентинин. Ей было восемьдесят девять. Она оставалась подвижной почти до самой смерти. В последние дни за ней ухаживала такая же жительница дома Ольга Дмитриевна — друзья не помнят ее фамилии, осталось только в памяти, что это была глубоко религиозная женщина.

Друзьям и сегодня горько вспоминать о тяжелых девятностях, поставивших всех в жестокие условия выбора. Счастье, что в этом выборе всем участникам этой истории удалось сохранить человечность. ☹

АЛЛА КАНЬШИНА
КОЛЛАЖ > ОЛЬГА ГАВРИЛОВА

Как внук в историю попал

Их род берет начало со времен Петра I

КОСТИНУ досталось не богатое по сегодняшним меркам наследство — пачка ветхих, пожелтевших от времени бумаг.

Но сам Григорий Иванович считает, что ему несказанно повезло: ведь семейный архив содержит данные об истории рода Костиных начиная с 1654 года.

— Записи моих дедов, прадедов, прапрадедов, повествующие о жизни-бытье нашей семьи, я обнаружил более полувека назад, когда с младшим братом Николаем перебрывал крышу отцовского дома, — рассказывает Григорий Костин. — Помимо описания крестьянского быта, они повествуют о происшедших в семье событиях. В сохранившихся блокнотах зафиксировано кто и когда родился, с кем породнился.

Повествование о деревенской жизни Григорий Иванович близко и знакомо. Он про сельское житье не понаслышке знает: приходилось и пахать, и сеять, и дома возводить.

— Я, как говорится, и конюх, и плотник, и кузнец — на все работы молодец, — не без гордости говорит о себе Костин. — С детства пришлось работать. Трудового стажа у меня аж 57 лет.

За десятилетия работы Григорий Иванович не раз удостоивался наград. Он неоднократный победитель в социальном соревновании, ударник коммунистического труда, награжден медалью «За доблестный труд», имеет звание «Труженик тыла». Был и трактористом, и комбайнером, и шофером, и механиком. В войну десятилетиями мальчишкой денно и нощно работал в колхозе. Тогда на селе остались лишь женщины да дети, и все заботы о хозяйстве легли на их плечи. Семья у Костиных была большая. Григорий был одиннадцатым из двенадцати ребятишек.

Он до сих пор помнит наказ отца, ушедшего в 1942 году на фронт: «Ты в семье за старшего остаешься. Матери помогай, коров держите». Да и в послевоенные годы несладко приходилось. Вряд ли забудет Григорий Иванович те времена, когда за работу платили зерном, да и то не лучшим, как летом пятидесятого года заработал тысячу трудовой.

Изучая семейные архивы, Григорий Иванович уста-

новил, что его род берет свое начало еще до времен правления Петра Первого. Родоначальником фамилии Костиных стал Костя Хромой. Когда его восемнадцатилетнего сына Епифана призвали на службу в петровскую армию, то спросили парня:

— Как звать?
— Епифан, — ответил он.
— Чей сын?
— Костин.

С тех пор, с 1708 года, и начала отсчет фамилия Костиных. В прошлом году ей исполнилось триста лет. По словам Григория Ивановича, внук того самого Епифана отслужил, как положено, четверть века в солдатах и после армии, по рассказам отца и деда, начал записывать историю своего рода.

Родина Костиных — Белгородская область, Граеворонский уезд, село Дорогощи. Прежде там было имение Бориса Петровича Шереметева. По преданию, прадед Костиных служил у него шорником. И, если верить записям, он получил от Петра медный рубль за отремонтированный хомут в упряжке царя. А после бани государь сел ужинать и, отдавая поданные блюда, сказал: «Ох, какие вкусные, дорогие щи». Так с тех пор село и стало называться не Камышиха, а Дорогощи. А еще, как свидетельствуют факты, в бани Костиных мылся сам Столыпин и на ночлег остался в их же доме.

Будучи человеком заинтересованным и беспокойным, Григорий Иванович не мог не съездить на свою историческую родину, на Белгородчину. Последняя поездка состоялась в ноябре прошлого года. Любопытно было посмотреть места, где жили прадеды, пообщаться с дальними родственниками. Костин не только беседовал, но и записывал рассказы жителей деревни о своих пращурах.

В 1892 году семья Костиных переехала из Белгородской области на Алтай. Инициатором переезда стал дедушка Григория Ивановича — Епифан Ефимович. Сначала по железной дороге добрались до Омска, потом сплавлялись по Иртышу. Так доехали до Барнаульского уезда Александровской волости Томской губернии и поселились в селе Уруваево. А позже переехали в деревню Панкрушиха. Об этом значимом для рода

переселении Григорий Иванович тоже узнал из дедовских записей.

Увлечшись составлением генеалогического древа по отцовской линии, Григорий Иванович заинтересовался и предками по материнской линии — Лыковых. Оказалось, что у Григория Костина родственники чуть ли не по всей стране.

— Я стараюсь поддерживать связь со всей своей родней. Пишу письма, расспрашиваю, как дела, поздравляю всех с праздниками. Но молодежь нынче ленится писать письма, им все некогда, — сетует Костин.

Самому ему по молодости не удавалось выкроить время для изучения семейного архива — работа на целине, воспитание детей, а их у Григория Ивановича пятеро. Уже потом, переехав в семидесятых в Норильск, он начал систематизировать все записи.

В начале девяностых годов Костин оказался в Магнитогорске. Вот тогда и появилась задумка издать книгу на основе найденных блокнотов. Сказано — сделано. Но одному Григорию Ивановичу долго пришлось бы корпеть над бумагами. В создании книги оказал содействие Магнитогорский государственный университет, а особенно профессор Татьяна Рожкова. Сейчас весь архив рода Костиных хранится в лаборатории кафедры устного народного творчества МаГУ. Помогала отцу и младшая дочь Анна: она обрабатывала информацию с помощью компьютера. Сам Григорий Иванович с современной техникой так и не подружился.

И вот в прошлом году вышел первый том трилогии под названием «Корни и отростки древа Костиных». Он повествует о событиях, произошедших с прадедами Костина начиная с середины семнадцатого по восьмидесятые годы девятнадцатого века. Изданную книгу Григорий Иванович хочет подарить всем Костиным, чтобы те не забывали, откуда берет начало их род. Сейчас Григорий Костин всерьез подумывает о скором выходе в свет второго тома.

— Я в своей жизни все как полагається сделал, — резюмирует Григорий Иванович. — Дом построил, детей вырастил, деревья посадил. Вот еще бы успеть оставшихся два тома издать. Хотя мне всего лишь 77, а костинская порода — долгожители. Уж кому, как не мне, об этом знать. ☹

ЕЛЕНА КОФАНОВА

> РЕЗОНАНС

Не предатель, а солдат

ПРОЧИТАЛ в «ММ» статью уважаемого мною участника Великой Отечественной войны Михаила Петрова «Судьба солдата по имени Иван».

Я во многом не согласен с автором в том, что с военнопленным и партизанами руководство страны того времени поступали жестоко. Всем известно, что партизаны не были предателями, а приравнялись к участникам войны, получали боевые награды, в том числе самые высокие.

Вспоминая солдата Петра Матерова. Воевать ему пришлось недолго: попал в плен, но был там только четыре дня. Бежал к партизанам, около четырех лет руководил белорусским партизанским отрядом. После войны его избирали на высокие посты в комсомольские и партийные органы Белоруссии. Он отмечен многими орденами и медалями, ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Еще хочу рассказать о судьбе военнопленного Виктора Газумова, с которым я проработал в гвоздильном цехе более 20 лет. При выполнении боевого задания во время войны его самолет был сбит фашистами на оккупированной территории Украины. Обоженного Газумова подобрали жители, но немцы разыскали его. Больше трех лет он жил в нечеловеческих условиях плена. В конце 1945-го его и сотни других военнопленных привезли в Магнитогорск. По распределению он попал рабочим в гвоздильный цех завода металлоизделий. Впоследствии стал мастером и старшим мастером цеха. После окончания вечернего отделения индустриального техникума Виктор Михайлович вступил в должность начальника цеха. Его не раз избирали председателем цехкома и завкома, членом парткома, он добился восстановления в партии. Рассказывал, как представители спецслужб вызывали его в Челябинск и в жесткой форме вели разговоры не о том, почему он попал в плен, а почему он, офицер Красной Армии, партизан, не вел агитацию среди военнопленных, не организовывал диверсии и не пытался бежать из плена...

ИВАН РАДЧЕНКО,
ветеран труда

> Чтобы сохранить независимость, она переехала в дом престарелых